

**VARIATION
AND DYNAMICS
OF LEXICAL NORMS
IN THE REGIONAL USUS
OF THE 18th CENTURY
RUSSIAN LANGUAGE****ВАРЬИРОВАНИЕ
И ДИНАМИКА
ЛЕКСИЧЕСКИХ НОРМ
В РЕГИОНАЛЬНОМ
УЗУСЕ РУССКОГО
ЯЗЫКА XVIII В.**

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления единой нормы делового языка XVIII в., сопряженной с варьированием в нем славянизмов и элементов приказной традиции. Рассматриваются лексикализованные фонетические варианты и абсолютные синонимы, функционирование которых в региональном узусе делового языка отображает интенсивность процесса нормализации. Исследуются славянизмы как типичные средства канцелярского слога, которые участвовали в производстве официального языка и подвергались регулярным изменениям в плане выражения и плане содержания. Анализируемый материал забайкальской деловой письменности XVIII в. наиболее убедительно демонстрирует роль варьирования книжно-славянских средств в процессе нормализации делового языка как инструмента борьбы за символическую власть.

Ключевые слова: русский язык XVIII века, славянизмы, абсолютные синонимы, региональный узус, символическая власть

Summary. The article is devoted to the problem of the formation of a unified norm of the business language in the 18th century, associated with the variation in it of Slavisms and elements of the business (Prikazny) tradition of 17th c. The lexicalized phonetic variants and absolute synonyms, whose functioning in the regional usage of the business language reflects the intensity of the normalization process, are considered. We study Slavisms as typical means of clerical language, which took part in the production of legitimate language and were subjected to regular changes in terms of expression and content. The analyzed material of 18th century Transbaikalian business writing shows most convincingly the role of varying the book-Slavic means in the process of business language normalization as a tool of struggle for symbolic power.

Keywords: the 18th century Russian language, Slavisms, absolute synonyms, regional usus, symbolic power

Для цитирования. Майоров А. П. Варьирование и динамика лексических норм в региональном узусе русского языка XVIII в. // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2022. Вып. 5. С. 24–42.

For Citation: Mayorov A.P. (2022). Variation and dynamics of lexical norms in the regional usus of the 18th century Russian language. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya*, 5, pp. 24–42. (In Russ.)

Введение

Изменения в лексике во все времена оказываются неизбежно «спровоцированы» экстралингвистическими факторами — общественно-политическими и культурными, социально-экономическими и геополитическими преобразованиями, происходящими в переломный момент исторического развития какого-либо этнического сообщества. Открытая система лексики, чутко реагируя на эти преобразования, характеризуется, с одной стороны, активными процессами в неологизации словаря литературного языка, с другой стороны, такими же процессами в архаизации определенной части его лексикона, в перемещении лексических единиц в пассивный фонд. Эволюция словаря предопределяется не только историческими факторами развития общества, но и территориальным варьированием языка, которое в тот или иной исторический период может быть активным в разной степени.

Рассматривая отражающийся в лексике русского языка процесс борьбы «нового» со «старым», следует особое внимание обратить на социолингвистический аспект этого феномена. В связи с начавшимся в восемнадцатом столетии формированием русской нации появляется потребность в стандартном национальном литературном языке. Теперь он, исходя из единой языковой нормы и полифункциональности его природы, должен выполнять коммуникативные задачи, ранее распределенные между разными регистрами письменного языка, и «обладать авторитетом, воплощая в себе дискурс культурного господства секулярной власти» [Живов 2004: 104].

Инструментом такой власти в России XVIII в. становится книжно-славянский идиом, распространивший свое влияние практически на все функциональные сферы литературного языка и прошедший все этапы секуляризации через синтез с определенными элементами разных социальных форм разговорного узуса.

Особенно ярко черты процесса синтезирования книжно-славянских средств с другими языковыми элементами проявляются в деловом, или, подчеркивая принципиальную новизну в национальную эпоху, лучше сказать, канцелярском языке XVIII века. Его роль как инструмента официальной власти в жизни российской нации того времени становилась решающей. Укреплению авторитета канцелярского языка как символа абсолютистской власти способствовала организация социальных условий в виде всевозможных новых институциональных механизмов — коллежского делопроизводства, должностных обязанностей канцелярских служащих, создания новых жанров документации и принципиально иной системы документооборота и др. В результате язык деловой письменности XVIII в. стал отличаться «колоссальным общегосударственным масштабом циркуляции актов и массовым приобщением к этому представителей среднего и низшего сословия, нарастающей полифункциональностью в соответствии с усложнением коммуникативных задач общения» [Глинкина, Чердниченко 2001: 43].

Таким образом, функциям книжно-славянских элементов как стилеобразующих средств канцелярского языка, исполнявшего указанную роль, придавалось особое значение. Специфика же употребления этих средств в региональном деловом языке состояла не только в том, что славянизмы, сменив сферу своего традиционного бытования, автоматически расширили багаж стилей, к которым они теперь принадлежали. Материал забайкальской деловой письменности XVIII в. указывает на то, что в новых контекстных условиях при решении нестандартных коммуникативных задач славянизмы испытывали изменение в плане выражения и в плане содержания, а также, употребляясь в текстах новых канцелярских жанров наряду с новоевропейскими заимствованиями, генетически различными разговорными средствами и заимствованиями из языков коренного населения Забайкалья, нередко выступали их вариантами и претерпевали определенные стилистические изменения.

Цель статьи заключается в том, чтобы проследить эти изменения, установив типы вариантов и характер варьирования в региональном узусе деловой письменности на фоне динами-

ки лексических норм в литературном языке. Достичь этой цели предполагается преимущественно методом сопоставления сведений исторических словарей (САР¹, СРЯ XVIII и Майоров 2011), в которых данное варьирование представлено довольно широко.

Норма и ее варьирование

Варьирование языковых средств любого уровня на каждом этапе исторического развития языка является неизбежным спутником динамики нормы, а точнее — «формой его развития» [Литвинов 2013: 101]. Для исследования изменчивой природы нормы в диахронном плане (особенно в донациональный период) нередко прибегают к понятиям естественной и искусственной, первичной и вторичной нормы (по Б.А. Успенскому), языковой нормы и нормы литературного языка, строгой и сниженной нормы (по М.Л. Ремневой), нормы в узком и широком смысле. Основополагающими при изучении исторического характера нормы стали положения концепции Э. Косериу о взаимоотношениях системы, нормы и речи (узуса) [Coseriu 1973], и методологически важным для характеристики закономерностей варьирования нормы в историческом развитии языка представляется соотнесение этих понятий с явлениями речевой практики, проведенное в [Крысин 2017].

Многообразие точек зрения объясняется сложным характером соотношения литературного языка и языковой нормы в рамках исторически сложившейся ситуации двуязычия (диглоссии) на Руси в XI–XVII вв. Среди многочисленных подходов отдельного внимания заслуживает концепция В.М. Живова, которая в роли ключевого исследовательского приема берет понятие регистра как особого узуса, преимущественно воспроизводимого и соотносимого с типами коммуникативных заданий, которые определяют риторическую стратегию говорящего [Живов 2004: 49]. Поскольку узус, свойственный текстам разного типа, различен, то примечательной чертой узуса является вариативность. Как подчеркивает ученый, «нормализация в средневековых текстах не исключает вариативности» [Там же: 45], и разная степень нормативности

обуславливалась рядом прагматических факторов, которые осознавались как традиция, соотносящая степень нормативности с характером коммуникативного задания.

В национальный период происходит становление единой нормы, и оно подразумевает устранение ее вариативности, унаследованной из литературного языка предшествующего исторического периода, а точнее — от узусов разных письменных традиций. Фрагментированность средневекового узуса, при которой каждый из регистров обладал специфическим набором языковых средств, сменяется полифункциональностью и общезначимостью, когда единая норма навязывается всем «культурным» членам языкового коллектива» [Живов 2004: 21]. Между тем центральным моментом в процессе становления единой нормы становится, как ни парадоксально это будет звучать, варьирование языковых элементов, которые принадлежали ранее разным письменным узусам и теперь столкнулись в своем функционировании в одних и тех же текстах, в частности в деловых бумагах самых разных жанров. В свете петровской политики, ориентированной на секуляризацию и европеизацию государственного устройства России и ее культуры, мучительный поиск нового официального языка заканчивается обращением к книжно-славянским элементам и их переосмыслением в качестве средств символической власти¹. Процесс становления нового языка власти осуществляется посредством варьирования нормы делового языка, с одной стороны, не отрекшегося окончательно от традиции приказного узуса, с другой стороны, принявшего активно осваивать славянизмы в роли судо- и делопроизводственной терминологии Нового времени в качестве маркеров канцелярского слога.

На лексическом уровне варьирование проявляет себя в основном в виде образования синонимов. Ядро же синонимии составляют слова, пришедшие из разных письменных традиций и вступившие в деловой язык XVIII в. в отношении абсолютной синонимии.

¹ Согласно П. Бурдьё, «символическая власть есть превращенная, т. е. неузнаваемая, преобразенная и легитимированная форма власти, подчиненная другим формам власти» [Бурдьё 2007: 96]. В данном определении одна из «легитимированных форм» — это язык, а точнее, один из узусов языка, который оценивается как социально престижный.

Отмечая в принципе неуклонную тенденцию формирования синонимии в литературном языке XVIII в., следует оговорить своеобразное положение дел с нормой в региональных вариантах национального языка. Изучение языка региональной деловой письменности подводит ученых к мысли о варьировании делового узуса на всей территории России XVIII века. Причем определяющим в его развитии оказывалось сильное воздействие на него местных разновидностей русского языка [Малышева 1997: 158].

В частности, с учетом не только временных, но и пространственных параметров в норме забайкальского региолекта исследуемого периода необходимо отметить варьирование, связанное со сложившейся в регионе ситуацией диглоссии — ситуацией противостояния литературного языка нового типа, выполнявшего функции вербального способа власти, и забайкальского региолекта, служащего средством бытовой коммуникации. Эта языковая ситуация изоморфно представлена в памятниках деловой письменности, где тексты официально-деловых жанров излагаются с опорой на средства книжно-славянского идиома, а тексты частно-правовой и регистрационной документации составляются с помощью славянизмов и средств забайкальского региолекта. Подобные языковые ситуации, как отмечают ученые, не редкость и в современном состоянии любого этнического сообщества: «Весьма существенно также наличие даже в современных условиях в разных странах своеобразного двуязычия, когда владеющий литературным языком и употребляющий его в официальных сферах общения использует диалект в быту, как это наблюдалось в Италии, Германии, в арабских странах» [Гухман 1970: 518].

Такие ситуации в историческом прошлом подпитывали формирование вариантов несколько иного рода. Образуемые в силу полидиалектного характера региолекта, диалектные варианты на фонетическом, грамматическом уровнях, точные синонимы в области предметной лексики в принципе тоже противопоставлены средствам литературного языка, книжно-славянским элементам. Однако это тема отдельного исследования, и к проблеме варьирования средств делового языка в функционально-стилистическом аспекте она имеет косвенное отношение.

Лексикализованные фонетические варианты²

Церковнославянский язык изначально был маркирован приметными фонетическими чертами — так называемым неполногласием и южнославянскими рефлексами *жд* и *щ* на месте праславянских **dj* и **tj*. В истории русского литературного языка формам с *-ра-/-ла-/-ре-/-ле-*, генетически соответствующим полногласным *-оро-/-оло-/-ере-/-оло-*, и формам с *жд* и *щ*, генетически соотносительным с русскими *ж* и *ч*, судьба уготовила выполнять крайне разнообразные функции и определила преобразования их семантики. Эти изменения были обусловлены многими внеязыковыми факторами и оказались настолько активными, что даже в пределах одной сферы функционирования один и тот же церковнославянский фонетический признак мог сигнализировать о разных стилистических функциях. Например, форма с рефлексом *щ* в клятвенном обещании, присяге имела очевидную стилистическую окраску торжественности: *азъ нижеименованныи обещаюшь <...> что **хощу** и **долженьь**..* (ПЗДП: 164; 1797); в то же время, например, в допросных речах форма с рефлексом *щ* имела нейтральный оттенок: *Спросили кто ево кололь на что **отвещаль** что де кололь Петръ Кабаковъ* (Майоров 2011: 306; 1786).

В принципе похожее изменение у славянизмов стилистической тональности отмечается в фундаментальном историческом словаре: так, в словарной статье слова **ГРАД**¹ помета *Слав.* сопровождается комментариями, что слово «в прозаических текстах первой трети XVIII в. и в поэтических текстах всего века стилистически нейтрально, как слово *город*» [СРЯ XVIII 5: 203]. Иначе говоря, *град* получает стилистическую дифференциацию со словом *город* после первой трети столетия в зависимости от способа организации художественной речи.

О сложном характере расширения функций славянизмов в литературном языке XVIII в. свидетельствует другой известный

² Предметом исследования являются не те варианты, которые отражают живые фонетические законы, а те, которые представляют собой лексикализацию соотносительных церковнославянско-русских признаков фонетического характера.

исторический словарь, в котором система стилистических помет, на первый взгляд, представляется непоследовательной. Их тщательное исследование П.А. Семеновым показало, что «кодифицированная САР¹ норма в целом соответствует реальному узусу носителей литературного языка», при этом для авторов словаря был «важен не только активный узус (создаваемые в XVIII в. тексты), но и пассивный узус (тексты читаемые)», в связи с чем у многозначного слова южнославянского происхождения употребление в одном значении могло отмечаться пометой *Сл.*, а в другом значении такой пометы могло и не быть [Семенов 2012: 187].

В региональном деловом языке XVIII в. (в частности, в языке забайкальской деловой письменности) у неполногласных форм с их полногласными вариантами выстраиваются своеобразные стилистические отношения. Тот же пример со словом *град* подтверждает, что в языке забайкальских деловых бумаг оно было стилистически нейтральным со словом *город* в первой трети столетия: в *г'радѣ Ир'кѣцѣ'кѣ Вознесе'нской мнѣ'трѣ при|нять, <...> стѣ'ые' иконы со всякими п'риклады* (Меженина 2015: 42; 1714) — *И какѣ тебѣ' ся ѣша великого | Гдѣ'на грамота подана бѣде'м и тебѣ' ѣ'ха-|ти во градѣ Ир'кѣцѣ'кѣ в Вознесе'нско' мнѣ'трѣ* (Там же: 23; 1726); *Били чело' на' | великомѣ' гдѣ'нѣ' города Иркутца сынѣ боярско' Ива' | Григорьевѣ' сынѣ Пивоваровѣ' с прихожанѣ'* (Там же: 43; 1717) — *Но в' дрѣ'ги' городѣ'хѣ | ѣи места' о'ретаю'ся* (Там же: 12; 1723).

Несколько иные функции наблюдаем у производных от этих вариантов существительного прилагательных. Как свидетельствуют забайкальские документы, в первой половине XVIII в. варианты *градскѣи* — *городскои* употреблялись как стилистически нейтральные синонимы: *И по всѣ'м градски'м и уѣ'здны'м Иркут|цко' десяти'ны црѣ'ква' с' вѣще'нско'м о вышеписа'ннѣ' для вѣ'дома | по'ла'м Ея ѣмператор'ского величес'тва указы* (Меженина 2015: 84, 1732) — *Велено строение городское полисадникомѣ и протчимѣ исправлять* (Майоров 2011: 289, 1756).

В то же время именно для характеристики новых социокультурных реалий, вводимых в административно-управленческий обиход начиная с деятельности Петра I и завершая эпохой Екатерины II, прилагательное *градскѣи* оказывается более предпочтительным, чем вариант *городской (городский)*. Составные

наименования *градское начальство*, *градский судъ*, *градский судья*, *градская полиция* (СРЯ XVIII 5: 210), *градские жители*, *градские обыватели*, *градские службы*, *градские подати*, *градская присяга*, *градская дума* (ПСЗ VI: 295–299; XXII: 361, 382–383) использовались первоначально главным образом в центральных законодательных актах — Уставе городского магистрата (1721 г.), Учреждении для управления губерний Российской империи (1775 г.), Грамоте на права и выгоды городам Российской империи (1785 г.). С помощью подобных прескрипций в переустраиваемое социальное пространство внедрялись определенные ценности, связанные с политикой секуляризации и европеизации культуры российского общества, и книжно-славянские элементы в них выступали как индикаторы ориентации абсолютистской власти на эти ценности. Поскольку конкуренция славянизмов, функционально переосмысляемых в новых узусах, с лексическими единицами фрагментированного средневекового узуса оказывалась довольно острой, упомянутые варианты с неполногласными/полногласными формами были распространены вплоть до конца столетия, особенно в регионах. Так, например, практически все мыслимые историко-генетические варианты названия должности городского головы употребляются при перечислении имен должностных лиц, избранных в городскую думу Суздаля с сер. XVIII в. по 1-ю пол. XIX в.: *градской голова* (1767 г., 1851 г.), *городской глава* (1795–1797 гг.), *городской голова* (1812–1815 гг.), *градский глава* (1842–1845 гг.)³. К ним можно добавить представленный в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. вариант *городский глава* (ПСЗ XXII: 361).

В забайкальских деловых текстах XVIII в. прилагательное *градский* без вариантов употребляется в устойчивых словосочетаниях *градской человек* (мн. *градские люди*), *градское общество*, *градская полиция*. В СРЯ XVIII данное прилагательное, так же как производящее *градъ*, сопровождается пометой *Слав.* (СРЯ XVIII 5: 210), однако составные наименования с данным прилагательным носили терминологический характер, обозначая соответству-

³ После 1854 г. в суздальском официально-деловом узусе закрепляется окончательный вариант — *городской голова*.

ющие реалии без каких-либо стилистических коннотаций, и могли употребляться в документах практически любой жанровой принадлежности — распорядительных, отчетно-исполнительных, просительных документах, судебно-следственных делах и т. п.:

*Всего <...> в Нерчинску нерчинских дворянъ и дѣтей боярских <...> **градских** посацких людей 71 человекъ въ 71 дворѣхъ (ИСВЗ: 144; 1701); Пришел в Нерчинскую канцелярию нерчинской **градецкой** человекъ (ИСВЗ: 144; 1747); По силе | устава благочиния статьи 121^а должно бы и здешней **градской** | **полиціи** всегдашнее о том иметь изыскание (ПЗДП: 98; 1796); Здешнее **градское** общество соображаясь | съ симъ повелениемъ положило чтоб все имевшіяся в городе | дома и протчия строения магистратского ведомства | переписать (ПЗДП: 41; 1797).*

Другие случаи варьирования неполногласных и полногласных форм в забайкальской деловой письменности показывают, что стилистическую или семантическую дифференциацию варианты могли не получать на протяжении всего XVIII в.:

власы — волосы:

*И он схватилъ за **власы** начел тоскат[ь] по земле и топтат[ь] ногами (Майоров 2011: 73; 1786);*

*Схватавъ меня за **волосы** и та|щилъ с немилостивымъ биениемъ, и пинаниемъ ногамъ | до объвахты (ПЗДП: 105; 1797).*

гладь — голодъ:

*И без недачи провианту салдаты терпятъ всеконечную скудость и **гладь** (Майоров 2011: 98; 1731); Дабы люди а наипаче салдатство за недородом <...> хлѣба <...> не могли претерпеть нужды и **гладу** (Майоров 2011: 98; 1731); От неимѣния в казнѣ довольно числа правианта воспслѣдует немалой **гладь** (Майоров 2011: 98; 1756); В то^а беспамятстве | своемъ пошелъ и са^а куда не узна^а и ходилъ лесомъ | несколько дней бы^а все **глаго**^а (ПЗДП: 112; 1772); Никакого про|питаниа не імѣю^а и что^б не померли с **голоду** (ПЗДП: 61; 1743); Отчего ехали дни с три **голодо**^а (ПЗДП: 41; 1766).*

гласъ — гласоь:

*И стали Надѣяева все оные Епифанцовы бить смѣртѣлно а Надѣяевъ закричалъ нѣлетнымъ **гласомъ** (Майоров 2011: 98; 1785); И потом какъ напримеръ в полночь впросонье услышал вдругъ **голосъ** (Майоров 2011: 82; 1785).*

здравие — здоровье:

И ножа и протчаго способнаго к повреждению здравия человека <...> ему не давали (Майоров 2011: 164; 1752); И от того де ево вытолзовать и привести в прежнее здоровье не может (Майоров 2011: 91; 1766).

Тем не менее утверждение о стилистической нейтральности подобных вариантов с учетом их знакового появления в деловом языке, который ранее, в донациональный период, был свободен от книжно-славянских элементов любого языкового уровня, было бы некорректным. Функционирование славянизмов в деловых текстах XVIII в. представляется семиотически значимым. Помимо собственно стилеобразующей функции книжно-славянские элементы подчинялись исполнению роли средств языка символической власти. В этом отношении выделяющиеся фонетические признаки подходили для данной роли как нельзя лучше: неполногласие выступало знаком новой канцелярской культуры, олицетворявшей эту символическую власть, полногласие — знаком приказной традиции и некнижной коммуникации.

Абсолютные синонимы⁴

Вторжение в деловой язык XVIII в. славянизмов породило интенсивное варьирование лексических средств в области юридической терминологии. Произошло столкновение терминов приказной традиции с новыми терминами книжно-славянского происхождения, вступившими с первыми в отношения абсолютной синонимии. Конкуренция этих синонимов охватывала большинство тематических групп правовой лексики и длилась на протяжении всего восемнадцатого столетия. Абсолютные синонимы образовывались среди наименований наиболее распространенных правонарушений в России того времени, включая

⁴ Не затрагивая дискуссии по поводу ряда специальных метаязыковых номинаций тех лингвистических явлений, которые полностью совпадают по значению, — *абсолютные синонимы, точные синонимы, полные синонимы, лексические дублиеты*, в качестве рабочего термина в данной статье выбираем первое.

родовое название понятия «правонарушение», и язык забайкальских памятников соответствующим образом отражает такой вид варьирования (в приведенных ниже парах синонимов второй ее член — славянизм): *воровство* — *преступление*; *блудное воровство* — *блудодейство*; *клепать* — *взносить*; *поклеп* — *клепанье*; *вор* — *покрадатель*; *животь* — *имъние* ‘имущество’; *обида* ‘нарушение прав’ — *изобиждение* (*обиждение*); *убоец* (*убойца*) — *смертноубиец* (*смертноубийца*).

Данные примеры хорошо иллюстрируют особенности образования книжно-славянских вариантов в области правовой терминологии. Это: 1) семантические изменения славянизма на юридической почве (*преступник* ‘тот, кто нарушает, «переступает» какие-л. моральные нормы’ > ‘правонарушитель, преступник’, *взносить* ‘прославлять, восхвалять’ > ‘возводить напраслину; клеветать’); 2) преемственность восприятия из книжно-письменной традиции, но не из приказного узуса (*блудодейство*, *имъние*, *клепанье*), 3) новообразования по известным церковнославянским словообразовательным моделям (*изобиждение*, *покрадатель*, *смертноубийца*).

Синонимический ряд могут составлять не только пары абсолютных синонимов, но и более обширная совокупность вариантов слов, многочисленность которых указывает на особую актуальность иного обозначения юридического понятия в новом правовом поле. Красноречивым примером служит ряд наименований любого правонарушителя, которые употребляются в текстах забайкальской деловой письменности XVIII в. как абсолютные синонимы: *беззаконникъ* — *злодей* — *злодейской человекъ* (*мн. злодейские люди*) — *зломыслитель* — *преступникъ* — *преступитель*.

Особо следует подчеркнуть отсутствие в ряду забайкальских синонимов слова *воръ*. В XVI–XVII вв. оно использовалось как центральный термин средневекового русского права, способный обозначать представителя практически любой категории правонарушителей [Генералова, Щекин 2008: 188–189]. Отдельные следы его универсальной семантики — в виде значений ‘преступник’, ‘изменник, бунтовщик’ сохраняются в деловом языке 1-й пол. XVIII в. (СРЯ XVIII 4: 68). В забайкальских документах в течение этого периода оно используется (1) для наименования

изменника, бунтовщика, объявляющегося в среде представителей ясачных народов, а также (2) активно употребляется в качестве бранного слова:

(1): *И наехали их **воровъ** против Кыры речки <...> на высокой сопке в каменьях и воевалис[ь] с теми **ворами** три дни* (Майоров 2011: 75; 1756);

(2): *Брани^а и руга^а и порица^а меня раба вашего и называ^а | **воромъ** и плуто^а и мошеннико^а и женски^а сво^аднико^а (ПЗДП: 85; 1741); Во^а брани ево и в поношении | плутомъ **воромъ** и мошенникомъ то ево Ки^алякова | я не называ^а (ПЗДП: 119; 1796).*

Тем не менее как термин права *воръ* в русском языке XVIII в. не удерживается не только по причине широты семантики, но и в силу определенных лингвопрагматических факторов — утраты приказным узусом в новых социокультурных условиях прежней социальной значимости, с одной стороны, и становления иных институциональных механизмов абсолютистской власти, требовавших нового терминологического аппарата, с другой стороны.

Вытеснившие его новые термины составляют слова, которые восходят исключительно к книжно-письменной традиции:

БЕЗЗАКОННИКЪ — ‘человек, не принадлежащий христианам, нарушающий догматы христианства, законы церковной или светской власти; грешник’ (СДРЯ 1: 120);

ЗЛОДЕЙ — ‘злодей; преступник’ (СДРЯ III: 415; СлРЯ XI–XVII 6: 21);

ЗЛОМЫСЛИТЕЛЬ — ‘тот, кто замышляет дурное, пагубное’ (СДРЯ III: 418);

ПРЕСТУПНИКЪ — ‘преступник, нарушитель’ (СлРЯ XI–XVII 19: 62)⁵;

ПРЕСТУПИТЕЛЬ — ‘тот, кто нарушил клятву’ (СлРЯ XI–XVII 19: 60).

Общая сема ‘нарушение каких-либо социальных запретов’ послужила базой для формирования и развития правового значения у слов. Прагматическим фоном этих семантических изменений выступило познание социальной реальности, создаваемой реформами Петра Великого и его преемников, восприятие и усвоение

⁵ Необходимо подчеркнуть первоначально неюридическое содержание слова *преступникъ*. Слово обозначало того, кто нарушал религиозные законы, предписания (*преступникъ закону* в знач. ‘вероисповедание’, *преступникъ кресту* и др.).

новых социальных конвенций, пришедших на смену социокультурным и морально-религиозным установкам Московской Руси.

К концу XVIII в. правовые значения у некоторых слов в приведенном синонимическом ряду закрепились, что подтверждается данными САР¹:

беззаконникъ <...> 2) преступникъ законовъ гражданскихъ (САР¹ III: 12);

злодей <...> 2) законопреступникъ, разбойникъ, человекъ, подверженный тяжкимъ порокамъ (САР¹ III: 897);

преступникъ <...> нарушитель предписаннаго закона, правила (САР¹ V: 763).

В САР¹ не обнаруживаются три наименования, которые входили в синонимический ряд родовых названий правонарушителя в языке забайкальской деловой письменности: это лексемы *преступитель*, *зломыслитель* и составное наименование *злодейской человекъ* (мн. *злодейские люди*).

Несколько иная картина функционирования данных терминов отображается в языке центральных законодательных актов того времени. Практически в течение всего столетия в качестве специальных наименований правонарушителя используются в основном две лексические единицы: *преступникъ* и *злодей*. Сплошная выборка в 530 текстах именных и сенатских указов, высочайших резолюций и докладов в период с 1776 по 1780 гг. (ПСЗ XX: 14500–15030) показывает, что для родовой номинации правонарушителя слово *преступникъ* применялось 5 раз, а слово *злодѣй* — 3 раза. Абсолютная синонимия слов подтверждается их употреблением в одном и том же контексте одного именного указа 1713 г.:

Ежели кто такихъ преступниковъ и повредителей интересовъ Государственныхъ и грабителей вѣдаетъ, и тѣ бѣ люди безъ всякаго опасенія <...> доносили истину; а кто на такого злодѣя подлинно донесетъ, и тому за такую его службу богатство того преступника движимое и недвижимое отдано будетъ (ПСЗ V: 2726; 1713).

В сравнении с языком центральных законодательных актов в региональном узусе деловой письменности Забайкалья синонимия специальных названий правонарушителя оказывается шире и своеобразнее. Употребление забайкальских синонимов отличает разная степень их освоенности в региональном языке. Данные

источников (см. в: Майоров 2011; Меженина 2015; ПЗДП) свидетельствуют о следующей частотности употребления членов синонимического ряда на протяжении всего столетия: *беззаконникъ* — 1 (1798 г.), *зломыслитель* — 1 (1725 г.), *преступитель* — 2 (1754, 1781 гг.), *преступникъ* — 2 (1723, 1793 гг.), *злодей* — 3 (1772, 1773, 1792 гг.), *злодейские люди* — 1 (1796 г.).

С точки зрения динамики специального словаря различная употребительность членов синонимического ряда указывает на то, что процесс конкуренции терминов в регионе проходил активнее и большинству из них, видимо, был присущ тот или иной вид терминологического статуса, который ученые квалифицируют как паратермины [Попова 2012: 86], предтермины, квазитермины, прототермины, терминоиды, профессионализмы и пр. [Гринеv-Гринеvич 2008: 43–45].

Заключение

Ведущая роль в формировании единой нормы национального языка XVIII в. принадлежит книжно-славянскому идиому, охватившему своим влиянием практически все сферы функционирования литературного языка. Принципиально новым стало использование книжно-славянских средств в деловом языке. В результате их применения в роли стилеобразующих элементов произошло столкновение славянизмов и средств приказной традиции, вследствие чего формируется вариативность — отличительная черта становления канцелярского стиля литературного языка XVIII в. Типичными для регионального узуса делового языка Нового времени стали лексикализованные фонетические варианты и абсолютные синонимы в области юридической терминологии.

Образование вариантов в деловом языке национального периода носило особый функционально-стилистический характер. В сфере официально-административного управления деловой язык обладал лексическими вариантами, которые являлись стилистически нейтральными. Однако помимо стилеобразующей функции книжно-славянские элементы канцелярского слога выполняли роль средств языка символической власти. Особенно

продуктивно славянизмы участвовали в образовании составных наименований терминологии законодательства, делопроизводства, административно-управленческой деятельности.

Терминология книжно-славянского происхождения подвергалась определенным изменениям в плане выражения и в плане содержания, что в еще большей степени повышало интенсивность варьирования. Закономерными выглядят разного рода семантические изменения при образовании на базе славянизмов юридических терминов (сужение значения, метафоризация, метонимизация), наследование средств книжно-письменной традиции, сопровождающееся специализацией их значений, новообразования по известным церковнославянским словообразовательным моделям. Особенно широко синонимические ряды таких терминов представлены в региональных вариантах делового языка XVIII в.

Конкуренция средств книжно-славянского происхождения и приказной традиции в деловом языке продолжалась на протяжении всего столетия. В социальном пространстве петровской России возникают институализированные механизмы закрепления новых правовых ценностей за языковыми единицами, традиционно принадлежавшими книжному узусу. Иными словами, принудительное введение книжно-славянского идиома в роли официального языка представляло собой часть политической стратегии, цель которой — закрепить завоевания петровских реформ с помощью производства и воспроизводства нового человека.

Тенденция закрепления славянизмов в деловом языке как инструменте символической власти наиболее очевидно представлена в региональном узусе деловой письменности. Именно в нем варианты разных видов широко и активно употребляются до конца столетия. Стабильность варьирования поддерживалась специфической языковой ситуацией диглоссии в Забайкалье XVIII в.

Источники

ИСВЗ — Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв.) / Сост. Г.А. Христосенко, Л.М. Любимова. Т. I (А–З). Чита: Изд-во ЗабГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 2003. 350 с.

- Майоров 2011 — Майоров А.П. Словарь русского языка XVIII века: Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2012. 584 с.
- Меженина 2015 — Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII в. СПб.: Нестор-История, 2015. 192 с.
- ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / Сост. А.П. Майоров, С.В. Русанова; Под ред. А.П. Майорова. Улан-Удэ, 2005. 260 с.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 10.06.2022).
- САР¹ — Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Т. 1, 3. М.: Русский язык, 1988, 1990.
- СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 6, 19. М.: Наука, 1979, 1994.
- СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 4, 5. Л.: Наука, 1988, 1989.

Литература

- Бурдьё П. О символической власти // Пьер Бурдьё. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.
- Генералова Е.В., Щекин А.С. По следам вора // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 7. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. С. 187–193.
- Глинкина Л.А., Чередниченко А.П. Деловой язык XVIII века и проблемы исторического лингвокраеведения // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, филологический фак-т МГУ, 13–16 марта 2001 г. Труды и материалы / Под ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. М., 2001. С. 43.
- Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 304 с.
- Гухман М.М. Литературный язык // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 502–548.
- Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004. 656 с.

- Крысин Л.П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.
- Литвинов В.А. Исторический характер лингвистической нормы // Российский гуманитарный журнал. Liberal Arts in Russia. 2013. Vol. 2. № 1. P. 94–102.
- Мальшева И.А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск: Хабар. гос. пед. ун-т, 1997. 182 с.
- Попова Л.В. Терминологическая полиномия в языке русского права 17–19 веков как отражение эволюции правового мышления // Lingua mobilis. № 3 (36). Челябинск, 2012. С. 85–89.
- Семенов П.А. О некоторых принципах стилистической интерпретации славянизмов в «Словаре Академии Российской» и «Словаре русского языка XVIII века» (влияние материала на стилистические оценки) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2012. Т. VIII. Ч. <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=33835640&selid=194072893>. С. 171–188.
- Coseriu E. Sistema, norma y habla // Coseriu E. Teoría del lenguaje y lingüística general. Madrid: Gredos, 1973. P. 11–113.

Майоров Александр Петрович, д. филол. наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, ул. Волхонка, 18/2, ведущий научный сотрудник; e-mail: map1955@mail.ru

References

- Bourdieu P. O simbolicheskoy vlasti [On Symbolic Authority] // Pierre Bourdieu. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [The Sociology of Social Space]. Moscow: Institute of experimental sociology; St Petersburg: Aletya Publ., 2007. P. 87–96. (In Russ.)
- Generalova E.V., Shchekin A.S. Posledam vora [In the footsteps of a thief] // Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya. Issue 7. St Petersburg: St Petersburg University Publ., 2008. P. 187–193. (In Russ.)
- Glinkina L.A., Cherednichenko A.P. Delovoy yazyk XVIII veka i problemy istoricheskogo lingvokrayevedeniya [The Business Language of the 18th Century and the Problems of Historical Regional Linguistics] // Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost' [Russian Language: Historical Fate and Modernity]. International Congress of Russian Language Researchers. Moscow, Faculty of Philology, Moscow State University, March 13–16, 2001. Works and materials / M.L. Remneva and A.A. Polikarpov (Eds.). Moscow, 2001. P. 43. (In Russ.)
- Grinev-Grinevich S.V. Terminovedeniye [Terminology]. Moscow: Academiya Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)

- Gukhman M.M. Literaturnyi yazyk [Literary language] // Obshcheye yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka. [General linguistics. Forms of existence, functions, history of language]. Moscow: Nauka Publ., 1970. P. 502–548. (In Russ.)
- Zhivov V.M. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov [Essays on the historical morphology of the Russian language in the 17th–18th centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004. 656 p. (In Russ.)
- Krysin L.P. K sootnosheniyu sistemy yazyka, ego normy i uzusa [To the relationship between the language system, its norm and usus] // Kommunikativnyye issledovaniya [Communication studies]. 2017. No 2 (12). P. 20–31. (In Russ.)
- Litvinov V.A. Istoricheskiy kharakter lingvisticheskoy normy [The historical nature of the linguistic norm] // Russian Journal of Humanities. Liberal Arts in Russia. 2013. Vol. 2. No 1. P. 94–102. (In Russ.)
- Malysheva I.A. Pamyatniki delovoy pis'mennosti 18 veka kak ob'yekt lingvisticheskogo istochnikovedeniya [Business writing monuments of the 18th century as an object of linguistic source study]. Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University Publ., 1997. 182 p. (In Russ.)
- Popova L.V. Terminologicheskaya polinomiya v yazyke russkogo prava 17–19 vekov kak otrazheniye evolyutsii pravovogo myshleniya [Terminological polynomy in the language of Russian law in the 17th–19th centuries as a reflection of the evolution of legal thinking] // Lingua mobilis. No 3 (36). Chelyabinsk, 2012. P. 85–89. (In Russ.)
- Semenov P.A. O nekotorykh printsipakh stilisticheskoy interpretatsii slavyanizmov v “Slovarye Akademii Rossiyskoy” i “Slovarye russkogo yazyka 18 veka” (vliyaniye materiala na stilisticheskiye otsenki) [On Some Principles of Stylistic Interpretation of Slavisms in the “Dictionary of the Russian Academy” and “Dictionary of the Russian language of the 18th century” (Influence of the Material on Stylistic Evaluations)] // Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research. 2012. Vol. VIII. Pt. <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=33835640&selid=194072893>. P. 171–188. (In Russ.)
- Coseriu E. Sistema, norma y habla // Coseriu E. Teoría del lenguaje y lingüística general. Madrid: Gredos, 1973. P. 11–113.

Alexandr P. Mayorov, Dr. of Sci. Phil., Leading Researcher; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 18/2 Volkhonka str., Moscow, Russian Federation. e-mail: map1955@mail.ru